

Древнетюркские мотивы в поэзии Бахытжана Канапьянова: семиотический аспект¹

З.К. Темиргазина

Павлодарский педагогический университет имени А. Маргулана, Павлодар,

Республика Казахстан

(E-mail: temirgazina_zifa@pspu.kz)

ARTICLE INFO

Ключевые слова:
древнетюркские
символы,
Бахытжан
Канапьянов,
оказиональные
символы,
транскультурные
словесные образы,
семиотика,
тюркский эль, саки

MPNТИ 17.07.41

DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2024-1-169-180>

АННОТАЦИЯ

Древнетюркская культура, мифология, языческие и религиозные воззрения всегда оказывали значительное влияние на казахскую литературу XX – начала XXI веков, что было обусловлено желанием писателей сохранить духовные исторические корни. В поэзии казахского русскоязычного поэта Бахытжана Канапьянова древнетюркские мотивы выражаются на разных семиотических уровнях художественно-эстетической системы, прежде всего в тематике произведений, в сюжетах, в системе персонажей, в поэтике. В его художественной картине мира отражены мифологемы, фольклорные и языческие образы древних тюрков, выполняющие эстетические функции в соответствии с замыслом автора. Они лежат в основе создания художественно-образительных средств: транскультурных метафор, эпитетов, сравнений, которые выступают как своеобразные поэтические знаки. Поэт использует древнетюркские символы в первоначальном архаическом смысле либо преобразует их (например, Мировое дерево Ак Терек). Кроме этого, он создает в древнетюркском контексте собственные оказиональные символы (белый платок; тропа). Поэтика Канапьянова насыщена архаичной номадической семиотикой: символами, обычаями, традициями, ритуалами (тамга, ритуал захоронения воина и т.п.). В систему образов автор вводит сакральные языческие, мифологические персонажи: Тенгри, шырақшы, Темир-баба, Шакпак-ата. В воплощении древнетюркских мотивов и образов значительное место занимают исторические факты, события: тюркский эль, древнетюркские племена (саки, печенеги, куманы, половцы), взаимоотношения Великой степи с восточнославянскими племенами. Археологические раскопки, открывшие захоронения воинов-тюрков, способствовали созданию автором прекрасных образов женщин-кочевниц.

Received 03 December 2023. Revised 16 December 2023. Accepted 24 February 2024. Available online 31 March 2024.

Для цитирования: З.К. Темиргазина Древнетюркские мотивы в поэзии Бахытжана Канапьянова: семиотический аспект // Turkic Studies Journal. – 2024. – Т. 6. – № 1. – С. 169-180. DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2024-1-169-180>

For citation: Z. Temirgazina Ancient Turkic motifs in the poetry of Bakhytzhan Kanapyanov: semiotic aspect // Turkic Studies Journal. – 2024. – Vol. 6. – No 1. – P. 169-180. DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2024-1-169-180>

¹ Исследование финансируется Министерством науки и высшего образования Республики Казахстан, грант ИРН №АР23487222 «Транскультурная русскоязычная литература Казахстана как часть мирового литературного мейнстрима».

Введение

В статье исследуется семиотический аспект древнетюркских образов и мотивов в поэзии казахского русскоязычного поэта Бахытжана Мусахановича Канапьянова. Говоря о древнетюркских мотивах и образах, мы имеем в виду традиции, обычаи, древнетюркскую мифологию, фольклор, историю, которые тем или иным образом использованы в поэтическом наследии Канапьянова. Поэт относится к поколению поэтов и писателей переломной эпохи, которые сформировались при Советском Союзе, пережили его распад и продолжили творить уже в эпоху независимого Казахстана, в постколониальный период.

Несомненно, что многие писатели и деятели культуры этого поколения – поколения семидесятников – испытывали душевный разлом и чувство вины, в значительной степени утратив связи с родной культурой и языком. Это явилось результатом колониальной политики Российской империи и СССР: тотальной русификации, внедрения культуры «старшего брата» в национальные культуры, нивелирования их самобытности. Отсюда столь трепетное внимание к истории и культуре своего народа, к их древнетюркским истокам в творчестве писателей этого поколения и, в частности, в поэзии Бахытжана Канапьянова.

Несомненно, что древнетюркская культура была разветвленной многослойной семиотической системой, в которой природа, артефакты, обычаи, ритуалы, языческие и религиозные верования, мифы, фольклор, литература были отражением архаического мировоззрения и мировосприятия народа, сложившихся на протяжении многих тысячелетий (Каиржанов и др., 2023: 16-17). Известный теоретик художественной семиотики Ю.М. Лотман утверждает, что поэтические символы имеют разную природу и источники: «Алфавит символов того или иного поэта далеко не всегда индивидуален: он может черпать свою символику из арсенала эпохи, культурного направления, социального круга. Символ связан с памятью культуры, и целый ряд символических образов пронизывает по вертикали всю историю человечества или большие ее ареальные пласты. Индивидуальность художника проявляется не только в создании новых окказиональных символов (в символическом прочтении несимволического), но и в актуализации весьма архаических образов символического характера» (Лотман, 1999: 123).

Материал и методы исследования

В качестве основного в статье используется структурно-семиотический метод. Он восходит к идеям Ю.М. Лотмана (1999), Б.А. Успенского (1994) о семиотике художественного текста как комплексе разного рода семиотических подсистем, выполняющих художественно-эстетическую задачу и объединенную идейным замыслом автора. Структурно-семиотический метод входит в группу формальных методов литературоведения. Он предполагает внимание исследователя, во-первых, к языку художественного произведения как структуре и, во-вторых, к знаковой

стороне, к семиотическим кодам в тексте, которые могут иметь общечеловеческий и индивидуально-авторский характер.

Материалом исследования выступают поэтические произведения Бахытжана Канапьянова, опубликованные в 2-х томах в 2011 году (Канапьянов, 2011а; 2022б). Далее в тексте стихотворения будут цитироваться по этому изданию.

Степень изученности темы

Поэзия Канапьянова была объектом изучения в разных аспектах. В.В. Бадиков рассматривал ее во взаимосвязи с историко-литературным контекстом (Бадиков, 2002). Система основных мотивов в поэзии Бахытжана Мусахановича проанализирована в работе К.Р. Нұрғали, М.Д. Амангелді (Нұрғали, Амангелді, 2022). Как явление художественного билингвизма, специфической национальной картины мира поэзия Канапьянова рассмотрена К.Б. Уразаевой, Ш.К. Жаркынбековой (Уразаева, Жаркынбекова, 2018). В отдельных статьях исследовались традиции Абая в его лирике (Карабатырова, 2015), анализировались пушкинские реминисценции (Шабарова, 2020), авторские повествовательные стратегии в поэтическом нарративе Канапьянова (Бактыбаева, 2021).

Однако древнетюркские мотивы и образы в произведениях поэта не становились предметом специального изучения, тем более в семиотическом плане.

Анализ

Покаяние за духовную оторванность от культурных корней, от родного языка, от аула, где похоронены его отец и предки, относится к главным эмоциональным мотивам поэзии Канапьянова. К.Р. Нұрғали, М.Д. Амангелді отмечают этот душевный разлад в творчестве казахских писателей 70-х годов XX века: «Уход от традиционных ценностей кочевья, разлука с аульным бытом, отрыв от корней, трагедия болезненной духовной раздвоенности в полной мере отразились в современной казахской литературе» (Нұрғали, Амангелді, 2022: 115). Ощущение своей вины постоянно преследует поэта. Отсюда его пристальное внимание к истории и древней культуре своего народа. В стихотворении «Из единого тюркского эля» 2006 года он воспеваает тысячелетнюю историю тюрков, их роль в мировой цивилизации, восхищается своими предками:

*Из единого тюркского корня
Отчеканен наш образ в веках.
Нашей памяти чуткие кони
Проступают сквозь эпос в стихах.
Горстью проса я звезды посеял,
Птичий путь воссиял над копьем.
Из единого тюркского эля*

Нам Вселенная вышла шатром (Канапьянов, 2011б: 294).

Прекрасны поэтические образы, созданные транскультурным мировоззрением поэта: *нашей памяти чуткие кони; горстью проса я звезды посеял; птичий путь воссиял над копьем; Вселенная вышла шатром.*

В произведении «Вдоль горной речки на коне» лирический герой хочет вернуть «в себя» утерянное пратюркское слово, чтобы прочесть и понять древние наскальные письмена тюрков; он пытается восстановить духовные связи с тенгрианской культурой. Проводником лирического героя в архаическую эпоху от саков до венгров является конь:

*Вдоль горной речки на коне,
Под равномерный шаг гнедого
Я возвращал в себя – извне –
Пратюркскую основу слова.
Выносят камни письма
Тюрки, Тибета, Чагатая...
Крылом вычерчивал орел
Бессмертную поэму Тенгри.
А конь меня все дальше вел
От саков до ушедших венгров... (Канапьянов, 2011б: 283).*

Символом непрерывности исторической связи времен и поколений от древности до настоящего времени выступает тропа, которая ведет человека в пространство коллективной памяти: *Не обрывается тропа / Доисторического тюрка* (Канапьянов, 2011б: 283). Возвращение «пратюркской основы слова» показано в стихотворении «Знаки», в котором лирический герой описывает рунические знаки, отчеканенные на камне:

*На этом камне, где к утру роса,
Я познавал рунические знаки:
Вот вертикаль, виктория с конца –
Четвертый век – когда исчезли саки.
Сменял пергамент кожный пергамин,
А следом эра рисовой бумаги,
Но камень вечен, знаками храним,
Что высекли первопродоцы-маги (Канапьянов, 2011б: 284).*

Лирический герой по-своему, с поэтической точки зрения, расшифровывает и интерпретирует рунические знаки. В произведении использована антитеза, противопоставляющая вечность каменных надписей преходящему характеру надписей на пергаменте и рисовой бумаге. Прикосновение к древнетюркской письменности равносильно для лирического героя постижению Бога: *Я постигал руническую суть, / И в этом видел я веленье Бога* (Канапьянов, 2011б: 284).

Значительное место в воплощении тюркских мотивов в художественной картине мира Канапьянова занимают древнетюркские сакральные материальные объекты. Посещение культово-мемориального комплекса Шакпак-ата в Мангыстау, восходящего к XII веку, имеющего восьмивековую историю, произвело глубокое впечатление на поэта. Сакральный комплекс представляет собой вырубленную в скальном мысе мечеть, рядом с которой расположился некрополь. Это место почитается тюрками как святое:

*Хранитель духа – Шыракши.
В лампаде ток святого взгляда.*

*Не от него ли свет души,
Свет ритуального обряда?..*

Шакпак-ата, тобой храним (Канапьянов, 2011б: 268-269).

Лирический герой обращается к шыракшы – хранителю мечети Шакпак-ата, тцецу Корана, называя его хранителем духа. Р. Гарипова пишет: «В исламской традиции в казахской степи широко распространен институт хранителя мавзолеев/святыни (шыракшы). Часто это связано с суфийскими святынями и мазарами, и функции шыракшы обычно выполняют мужчины» (Гарипова, 2020: 43). Заметим, что поэт пишет это слово с большой буквы, тем самым возвышая роль хранителя и возводя его название в ранг имени собственного. Кроме святого Шакпак-ата, лирический герой вспоминает и другого тюркского святого – Темир-баба, способного, согласно легенде, ходить по воде:

Легендами дышало море.

Темир-баба – здесь был святой.

И тучи,

Где-то с небосвода,

Путь продолжали чередой –

Его хождение по водам (Канапьянов, 2011б: 268-269).

Творческую энергию поэта и желание обратиться к коллективной культурной памяти пробудили археологические раскопки его друга-историка: *Мой друг по духу археолог / Раскопками заколдовал* (Канапьянов, 2011б: 80). В поэме «Кочевница» (1983) поэт рассказывает о судьбах двух женщин в архаические времена: о тюркской девушке-воине и о женщине-матери, о захоронениях которых ему поведал друг-археолог. Рассказ об археологических находках навеял поэту размышления о судьбах этих тюркских женщин, которых, несомненно, можно отнести к незаурядным личностям своего времени: одна была воином, другая – женой знатного воина-героя, погибшего в битве.

Соответственно, поэма имеет двухчастную композицию, объединенную общей идеей – воспеванием подвигов женщин-кочевниц. Первая часть поэмы посвящена девушке-воину. Лирический герой называет ее «*владычица былых племен, / Ушедших, / Как песок сквозь пальцы*». Он выражает ей восхищение: «*Историей твоей пленен, / И в ней тавром твоим клеймен*» (Канапьянов, 2011б: 81). В метафоре *тавром твоим клеймен*¹ подчеркивается преклонение лирического героя перед храбростью девушки-воина. Он рисует образ воина-половчанки в бою, сравнивает ее с греческими амазонками:

Увижу я со стороны –

На помощь скачет половчанка!

И там,

Где ныне древний путь,

Все тянет тетиву к заплечью,

Стрелой предвосхищает встречу (Канапьянов, 2011б: 81).

Древняя воительница погибла в бою от вражеской стрелы, вошедшей в межреберье:

Стрелу,

Лежавшую с тех пор,

Раб из межребрия не вынул.

¹ Древние тюрки обычно клеймили своим тавром рабов, скот.

*Вообразив твои черты,
Твой голый череп поцелую.
И – взвоют надо мной кусты,
Споют
степную
аллилуйю* (Канапьянов, 2011б: 81).

Поэт использует ряд перифраз для описания девушки *владычица былых племен* – половчанка – *степная дочь*, они передают его трепетное отношение к древней истории своей страны, преклонение перед тюркскими женщинами, которые наравне с мужчинами сражались за свободу и независимость.

Вторая часть поэмы «Кочевница» рассказывает о том, что в захоронении знатного тюрка был обнаружен скелет женщины. Согласно древним обычаям, когда погибал знатный воин, с ним хоронили его оружие, скакуна, домашних животных, иногда рабов, жен и детей (Бубенок, 2014; см. также: Садыков, 2017):

*Там, рядом с тем, кто был убит на поле брани,
Рабыня гордая лежит – во имя дани.
Акын о доле ее пел: “За господином –
Завещан предками удел – идти ей с сыном”.
Вчера общины был совет: “Коль умер воин,
Кто с ним делил постель и хлеб, там быть достоин”.
И рядом с воином жена живой ложится* (Канапьянов, 2011б: 82).

Поэт говорит о жестокости и трагичности архаического кочевого закона и прокликает старейшин:

*Она в сей час обречена переселиться
В загробный мир, в подземный склеп живой рабою...
Старейшина, чтоб ты ослеп, будь проклят мною!* (Канапьянов, 2011б: 82).

Важной художественной деталью выступает белый треугольный платок, брошенный на лицо женщины: “... самым тяжелым и вместе с тем выразительным зрелищем был шелковый треугольный платок, закрывавший ее лицо. Глаза вышли из орбит и отпечатались на этом шелковом платке, которым была покрыта ее голова при захоронении” (Канапьянов, 2011б: 82). Белый платок становится символом материнской жертвы, принесенной во имя жизни сына:

*Она набросила платок – во имя сына...
Хоронят мать, а где сынок? – Никто не знает.
Она набросила платок – сын убегает.
Средь ночи с евнухом она сопровождала.
Была для сына суждена – ее могила...* (Канапьянов, 2011б: 82).

Природа сочувствует материнской жертвенности: *И – тайну матери для нас хранит долина*. В ее платок – символ материнской любви – впечатаны «века иные»: *Впечатаны в ее платок века иные... / Но – сохранил для нас восток глаза живые* (Канапьянов, 2011: Т. 2: 83).

В поэме представлены образы двух тюркских женщин-кочевниц, разных по своему социальному, профессиональному, семейному статусу, но равных по силе духа

и характера. Они совершили подвиг: одна – воинский, заслужив за это почетное захоронение, которого удостоивается лишь сильный и могучий воин; вторая – материнский, спасая жизнь своему сыну, но при этом выполняя свой долг жены воина. Канапьянов воссоздает своим художественным воображением образы, характеры, сюжеты о жизни и смерти двух женщин, интерпретирует их жизненные судьбы со своей точки зрения – современного наследника тюркских традиций.

В цикле «Золотое кольцо» поэт рассказывает о своем путешествии по российским городам, входящим в так называемое Золотое кольцо России. Рассказывая об истории восточных славян, он напоминает о той значительной роли, которую сыграли в ней племена древних тюрков: половцы, печенеги. В отличие от предыдущих произведений, здесь речь идет о реальных исторических, а не вымышленных, созданных поэтическим воображением событиях и фактах. Поэт напоминает о нашествии на Киевскую Русь «Потрясателя Вселенной – Чингисхана», когда на поклон в Великую степь приходили «князья из княжеств» (Канапьянов, 2011а: 58). Для мирного совместного сосуществования практиковались браки между правителями тюркских и восточнославянских народов:

Ведь

Брали в жены русые князья

Благородных

чернооких

половчанок,

Ведь

Уходили в Степь

их сыновья... (Канапьянов, 2011а: 58).

Главная идея цикла, по замыслу поэта, заключается в том, что люди должны забыть о том, что «дурманило умы / И что людские души отравляло...» и ответить «На исторический вопрос – / Кто мы?» (Канапьянов, 2011а: 62).

Важное место в поэтической картине мира Канапьянова занимают древнетюркские космогонические мифы об устройстве мира, в частности, миф о Мировом дереве (Бисембаев, 2007: 16–17). Э.Р. Когай пишет об этом: «Дерево играло важную роль в картине мира тюркских народов, об этом свидетельствуют фольклор и мифология. Будучи архаическим фондом культуры, они сохранили древние знания. «Осколки» этих древних знаний, унаследованные потомками, нашли отражение в современном языке, в искусстве. Яркое тому подтверждение – творчество Б. Канапьянова» (Когай, 2020: 210). Так, в стихотворении «Ак Терек» говорится: *Серебристый тополь – Ак Терек. / Дерево священное в ущелье* (Канапьянов, 2011б: 279). Поэт рассказывает о трепетном отношении тюрков к серебристому тополю – древнему символу вертикального мироустройства. Они почитают священное дерево, и оно защищает их от бед:

И его не пилят на дрова,

Бревна не готовят на зимовку...

Серебристый тополь Ак Терек,

Чтит обычай предков человек.

И не раз он отведет беду... (Канапьянов, 2011б: 279).

Есть в поэтическом багаже Канапьянова и жанр шуточного подражания-имитации приглашения девушки на свидание в сакском племени:

*“Когда солнце начнет скрываться за гору,
когда лягут от елей на длину копы тени
и, как черные перья, падут на тропу,
тогда приходи к дереву,
там
ствол выщерблен молнией.
Я ждать тебя буду,
моя белая горлинка”.*
Может, так назначали встречу влюбленные
в племени саков в былом (Канапьянов, 2011а: 13).

Лирический герой-юноша образно описывает время и место свидания, используя метафоры, сравнения, олицетворения транскультурного типа: *лягут тени на длину копы; падут, как черные перья, на тропу*. Он нежно обращается к любимой «моя белая горлинка». Поэт мастерски воспроизводит образное мышление древних тюрков, обусловленное спецификой конкретных реалий их быта, образом жизни и мышления.

Полученные результаты

Исследование показало, что древнетюркские мотивы находят свое выражение на разных уровнях художественно-эстетической системы Бахытжана Канапьянова. Они прослеживаются в тематике произведений, в сюжетах, в системе персонажей. Мифы, фольклорные и языческие образы и персонажи отражаются в его художественной картине мира, преобразованные в соответствии с эстетическим замыслом автора (Қосанов и др., 2023). Но что важнее всего, они формируют словесную ткань его поэзии, выполняют функции художественно-изобразительных средств, участвуют в создании транскультурных метафор, сравнений, эпитетов, выступая в роли поэтических знаков. Семиотика древнетюркских символов используется в первоначальном архаическом смысле либо его семантика преобразуется автором (например, Ак Терек). Кроме того, автор создает в древнетюркском контексте собственные окказиональные символы (белый платок как символ материнской любви; тропа как символ исторической связи прошлого и настоящего).

Поэтические тексты Канапьянова насыщены архаичной номадической семиотикой – знаками кочевой культуры: тамга, Ак Терек; обычаями и традициями: ритуал захоронения, камлание баксы, клеймение рабов и скота; сакральными, языческими, мифологическими персонажами: Тенгри, Шакпак-ата, шыракшы, Темир-баба и т.д. Большую роль в создании древнетюркского компонента в произведениях играют исторические факты, события: Тюркский эль, татаро-монгольское иго, отношения между Великой Степью и восточными славянами; археологические раскопки на территории Казахстана; наименования древних тюркских племен: саков, половцев, печенегов, куманов, скифов.

Выводы

Таким образом, мы можем говорить о том, что в основе функционирования древнетюркских мотивов и образов в поэзии Бахытжана Канапьянова лежит глубокая укорененность концептуальной картины мира кочевников в художественном сознании

автора, духовная связь с древнетюркской культурой. Поэт считает своей миссией хранить память о предках – саках, скифах, половцах, печенегах, о своеобразии кочевой культуры, о древнетюркской рунической письменности, потому что без этого жизнь современных наследников древних номадов лишена корней, обеднена, они духовно незащищены и уязвимы:

Проходит все,

Бессмертна только память.

Земные и великие дела

Воплощены

В стихах,

в легендах,

в камне.

И к предкам память сквозь судьбу вела.

Она хранит, хранит нас от лишений (Канапьянов, 2011а: 251).

Литература

Бадиков В.В., 2002. Линия судьбы: Творчество Бахытжана Канапьянова в историко-литературном контексте эпохи. Алматы: Жибек Жолы. 136 с.

Бактыбаева А.Т., 2021. Авторская повествовательная стратегия с элементами комизма в структуре концептуальной картины мира прозы Б. Канапьянова // Гуманитарный вектор. 16 (4). С. 69-77.

Бисенбаев А.К., 2007. Мифы древних тюрков. Алматы. 136 с.

Бубенок О.Б., 2014. Новации и традиции в погребально-поминальной обрядности древних тюрков Центральной Азии // Народы и религии Евразии, 7. С.77-89.

Гарипова Р., 2020. Аккульская мечеть в постсоветском Казахстане: музейный артефакт или священное место? // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение, 2(131). С.36–48. <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2020-131-2-36-48>

Каиржанов А.К., Туксайтова Р.О., Кукунова Г.А., 2023. Мировоззренческие парадигмы культуры древних тюрков и восточных славян // Язык и литература: теория и практика. №4. С.15-35. <https://doi.org/10.52301/2957-5567-2023-4-15-35>

Канапьянов Б., 2011а. Избранное. В 2 т. Т. 1. Алматы: Издательский дом “Жибек жолы”. 480 с.

Канапьянов Б., 2011б. Избранное. В 2 т. Т. 2. Алматы: Издательский дом “Жибек жолы”. 536 с.

Карабатырова А.К., 2015. О духовно-нравственном воспитании в современном обществе, семье и школе (традиции Абая в творчестве Бахытжана Канапьянова) // Педагогическая наука и практика, 3(9). С. 56-59.

Когай Э.Р., 2020. Священная ось мира: к пониманию концепта «дерево (терек)» // Литература Центральной Азии: Архетипы. Мифологемы. Концепты. Алматы: Қазақ университеті. С.199-211.

Қосанов С., Кәкенова Ә., Әділханова Ж., 2023. Жазба ақындар шығармашылығындағы шығыс стилі //TurkicStudiesJournal, 5(2). С.167-184. <https://doi.org/10.32523/2664-5157-2023-2-167-184>

Лотман Ю.М., 1999. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. Москва: Языки русской культуры. 464 с.

Нұрғали Қ.Р., Амангелді М.Д., 2022. Система мотивов в лирике Б. Канапьянова // Вестник Карагандинского университета. Серия «Филология», 2(106). С. 109-116. <https://doi.org/10.31489/2020Ph2/109-116>

Садыков Т.Р., 2017. Тюркское погребение с конями в урочище Бай-Булуи в Центральной Туве // Теория и практика археологических исследований, 2. С.47-59.

Уразаева К.Б., Жаркынбекова Ш.К., 2018. Билингвизм и жанровый синтез лирики Бахытжана Канапьянова // Полилингвильность и транскультурные практики, 15 (4). С. 605-617.

Успенский Б.А., 1994. Семиотика истории. Семиотика культуры // Избранные статьи: в Т. 2. Москва: Гнозис.

Шабарова Г.К., 2020. Пушкинские реминисценции в ориентальной лирике Б. Канапьянова // Мир науки, культуры, образования, 1(80). С. 396-399.

Reference

Badikov V.V., 2002. Liniya sud'by: Tvorchestvo Bakhytzhana Kanapyanova v istoriko-literaturnom kontekste epokhi [Line of fate: The work of Bakhytzhana Kanapyanov in the historical and literary context of the era]. Almaty: Zhibek Zholy. 136 p. [in Russian].

Baktybayeva A.T., 2021. Avtorskaya povestvovatel'naya strategiya s elementami komizma v structure kontseptual'noy kartiny mira prozy B. Kanapyanova [The author's narrative strategy with comic elements in the structure of the conceptual picture of the world of B. Kanapyanov's prose]. Gumanitarnyy vector [Humanitarian vector], 16 (4). P. 69-77. [in Russian].

Bisenbayev A.K., 2007. Mify drevnikh tyurkov [Myths of the ancient Turks]. Almaty. 136 p. [in Russian].

Bubenok O.B., 2014. Novatsii i traditsii v pogrebal'no-pominal'noy obryadnosti drevnikh tyurkov Tsentral'noy Azii [Innovations and traditions in the funeral and memorial rites of the ancient Turks of Central Asia]. Narody i religii Yevrazii [Peoples and religions of Eurasia], 7. P.77-89. [in Russian].

Garipova R., 2020. Akkul'skaya mechet' v postsovetskom Kazakhstane: muzeynyy artefakt ili svyashchennoye mesto? [Akkul mosque in post-Soviet Kazakhstan: museum artifact or sacred place?]. Vestnik Yevraziyskogo natsional'nogo universiteta imeni L.N. Gumileva. Seriya Istoricheskiye nauki. Filosofiya. Religiovedeniye [Bulletin of the Eurasian National University named after L.N. Gumilyov. Series Historical Sciences. Philosophy. Religious Studies], 2(131). P.36-48. <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2020-131-2-36-48> [in Russian].

Kairzhanov A.K., Tuksaitova R.O., Kukuнова G.A., 2023. Mirovozzrencheskiye paradigmy kul'tury drevnikh tyurkov I vostochnykh slavyan [Worldview paradigms of the culture of the ancient Turks and Eastern Slavs]. Yazyk i literatura: teoriya I praktika [Language and literature: theory and practice], 4. P.15–35. <https://doi.org/10.52301/2957-5567-2023-4-15-35> [in Russian].

Kanapyanov B., 2011a. Izbrannoye. V 2 t. T. 1. [Favorites. In 2 volumes. Vol.1]. Almaty: Izdatel'skiy dom "Zhibek zholy". 480 p. [in Russian].

Kanapyanov B., 2011b. Izbrannoye. V 2 t. T. 2. [Favorites. In 2 volumes. Vol.2]. Almaty: Izdatel'skiy dom "Zhibek zholy". 536 p. [in Russian].

Karabatyrova A.K., 2015. O dukhovno-nravstvennom vospitanii v sovremennom obshchestve, sem'ye I shkole (traditsii Abaya v tvorchestve Bakhytzhana Kanapyanova) [On spiritual and moral education in modern society, family and school (the traditions of Abai in the works of Bakhytzhana Kanapyanov)]. Pedagogicheskaya nauka I praktika [Pedagogical science and practice], 3 (9). P. 56-59. [in Russian].

Kogay E.R., 2020. Svyashchennaya os' mira: k ponimaniyu kontsepta «derevo (terek)» [The sacred axis of the world: to understanding the concept of "tree (terek)". In: Literatura Tsentral'noy Azii: Arkhetipy. Mifologemy. Kontsepty [Literature of Central Asia: Archetypes. Mythologems. Concepts]. Almaty: Kazak universiteta. P. 199-211. [in Russian].

Kosanov S., Kakenova A., Adilkhanova Zh., 2023. Jazba akyndar shygarmashylygynday shygys stili [Oriental style in the works of Kazakh poets]. Turkic Studies Journal, 5(2). P.167-184. <https://doi.org/10.32523/2664-5157-2023-2-167-184>[in Kazakh].

Lotman Yu.M., 1999. Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya [Inside thinking worlds. Man – text – semiosphere – history]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. 464 p. [in Russian].

Nürgali K.R., Amangeldi M.D., 2022. Sistema motivov v lirike B. Kanapyanova [The system of motives in the lyrics of B. Kanapyanov]. Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya «Filologiya» [Bulletin of Karaganda University. Series «Philology»], 2(106). P. 109-116. <https://doi.org/10.31489/2020Ph2/109-116> [in Russian].

Sadykov T.R., 2017. Tyurkskoye pogrebeniye s konyami v urochishche Bay-Bulun v Tsentral'noy Tuve [Turkic burial with horses in the Bai-Bulun tract in Central Tuva]. Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy [Theory and practice of archaeological research], 2. P.47-59. [in Russian].

Shabarova G.K., 2020. Pushkinskiye reministsentsii v oriyaental'noy lirike B. Kanap'yanova [Pushkin reminiscences in the oriental lyrics of B. Kanapyanova]. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [World of science, culture, education], 1 (80). P. 396-399. [in Russian].

Urazayeva K.B., Zharkynbekova Sh.K., 2018. Bilingvizm I zhanrovyy sintez liriki Bakhytzhana Kanapyanova [Bilingualism and genre synthesis of Bakhytzhan Kanapyanov's lyrics]. Polilingvial'nost' I transkul'turnyye praktiki [Multilingualism and transcultural practices], 15(4). P. 605-617. [in Russian].

Uspenskiy B.A., 1994. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury [Semiotics of history. Semiotics of culture]. In: Izbrannyye stat'i: v 2 t. [Selected articles: in 2 volumes]. Moscow: Gnozis. [in Russian].

З.К. Темиргазина

Әлкей Марғұлан атындағы РМУ, Павлодар, Қазақстан Республикасы

(E-mail: temirgazina_zifa@pspu.kz)

Бақытжан Қанапьянов поэзиясындағы көне түркі мотивтері: семиотикалық аспект

Аннотация. Қазақтың орыстілді ақыны Бақытжан Қанапьяновтың поэзиясында көне түркі мотивтері көркемдік-эстетикалық жүйенің әртүрлі семиотикалық деңгейінде көрініс тапқан. Ең алдымен осы мотивтер шығармалардың тақырыптары, сюжеттері, кейіпкерлер жүйесі мен поэтикасында көрінеді. Ақынның дүние көркем суреті ниетіне сәйкес эстетикалық қызмет атқаратын мифологемалар, фольклорлық және пұтқа табынушылық образдар бейнеленеді. Ақын ежелгі түркі рәміздерін бастапқы архаикалық мағынада қолданады немесе оларды өзгертеді (мысалы, әлемдік Ақ Терек ағашы). Сонымен қатар, ол ежелгі түркі контекстінде өзінің окказиялық рәміздерін жасайды. Олар Қанапьянов поэзиясының көркемдік-бейнелік құралдар жасауының негізінде жатады: бұл – төл поэтикалық белгілер ретінде әрекет ететін трансмәдени метафоралар, эпитеттер, салыстырулар. Ақын көне түркі таңбаларының семиотикасын архаикалық көшпелі мағынада қолданады немесе оларды түрлендіру арқылы көне түркі контекстінде өзіндік окказионалды белгілерді (ақ орамал, соқпақ) жасайды. Қанапьяновтың поэтикасы архаикалық көшпелі семиотикамен қаныққан: символдар, әдет-ғұрыптар, салт-дәстүрлер, рәсімдер (таңба, жауынгер жерлеу рәсімі және т.б.); киелі пұтқа табынушы, мифологиялық кейіпкерлер (Тәңір, шырақшы, Темір баба, Шақпақ ата). Көне түркі мотивтерін көрсетуде ежелгі түркі тайпаларының (сақтар, қыпшақтар т.б.) өміріндегі тарихи деректер мен оқиғалардың маңызы зор. Сонымен қатар, Ұлы даланың шығыс славян тайпаларымен қарым-қатынасы маңызды рөл атқарады. Түркі жауынгерлері жерленген қорғандарды ашқан археологиялық қазба жұмыстары автордың көшпенді әйелдердің әдемі бейнелерін жасауына ықпал етеді.

Кілт сөздер: көне түркі таңбалары, Бақытжан Қанапьянов, окказионалды белгілер, трансмәдени вербалды бейнелер, семиотика, Түркі елі, сақтар.

Z. Temirgazina

A. Margulan Pavlodar Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan

(E-mail: temirgazina_zifa@pspu.kz)

Ancient Turkic motifs in the poetry of Bakhytzhan Kanapyanov: semiotic aspect

Abstract. In the poetry of the Kazakh Russian-speaking poet Bakhytzhan Kanapyanov, ancient Turkic motifs are expressed at different semiotic levels of the artistic and aesthetic system primarily in the themes of works, plots, poetics and the system of characters. The artistic picture of the world reflects mythologies, folklore and pagan images performing aesthetic functions in accordance with the author's intention. B. Kanapyanov creates such basis for the artistic and visual means as transcultural metaphors, epithets, comparisons, which act as original poetic signs. The poet uses ancient Turkic symbols in the original archaic sense, or transforms them (for example, the World Tree Ak Terek). Therefore, the poet creates his own occasional symbols in the ancient Turkic context (a white scarf; a path). Kanapyanov's poetics is saturated with archaic nomadic semiotics: symbols, customs, traditions, rituals (tamga, ritual burial of a warrior, etc.). The author introduces sacred pagan, mythological characters: Tengri, shyraکشy, Temir-baba, Shakpak-ata, et al. In the embodiment of ancient Turkic motifs and images, significant emphasis is placed on historical facts and events, for example, Turkic El, ancient Turkic tribes, the relationships between the Great Steppe and East Slavic tribes.

Keywords: ancient Turkic symbols, Bakhytzhan Kanapyanov, occasional symbols, transcultural verbal images, semiotics, Turkic El, the Sakas.

Сведения об авторе:

Теміргазина Зифа, доктор филологических наук, профессор, Павлодарский педагогический университет имени Алькея Маргулана, ул. Олжабай батыра, 60, Павлодар, Республика Казахстан.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>

ScopusID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=55776658000>

Автор туралы мәлімет:

Теміргазина Зифа, филология ғылымдарының докторы, профессор, Әлкей Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университеті, Олжабай батыр көш., 60, Павлодар, Қазақстан Республикасы.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>

Scopus ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=55776658000>

Information about author:

Temirgazina Zifa, Doctor of Philology, Professor, Alkey Margulan Pavlodar Pedagogical University, 60 Olzhabay batyr Str., Pavlodar, Republic of Kazakhstan.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>

Scopus ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=55776658000>